

Жанна Вишневская

Лауреат премии
Рукопись
года

18+

ДЕТИ ВОЙНОВА

«Городскую прозу, построенную на точной памяти прожитого, каждой его детали, в наше время пишут женщины — Дина Рубина, Людмила Улицкая. К этому ряду женских голосов добавился еще один, звучащий узнаваемо и в то же время по-новому».

Валерий Дымшиц, переводчик

Жанна Юрьевна Вишневская

Дети Воинова

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58832367

Дети Воинова / Жанна Вишневская: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122186-7

Аннотация

Роман «Дети Воинова» – это семейная сага для взрослых, но рассказанная от имени маленького мальчика. Центр повествования – коммунальная квартира на улице Воинова, в которой живут сразу несколько поколений. История бесконечно трогательная, ироничная, наполненная любовью к большой дружной семье, к Питеру, тогда еще Ленинграду. Книга посвящена бабушкам и дедушкам, мамам и папам, соседям и родственникам, стране, в которой мы когда-то жили и которой уже давно нет.

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	45
Глава седьмая	56
Глава восьмая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Жанна Вишневская

Дети Воинова

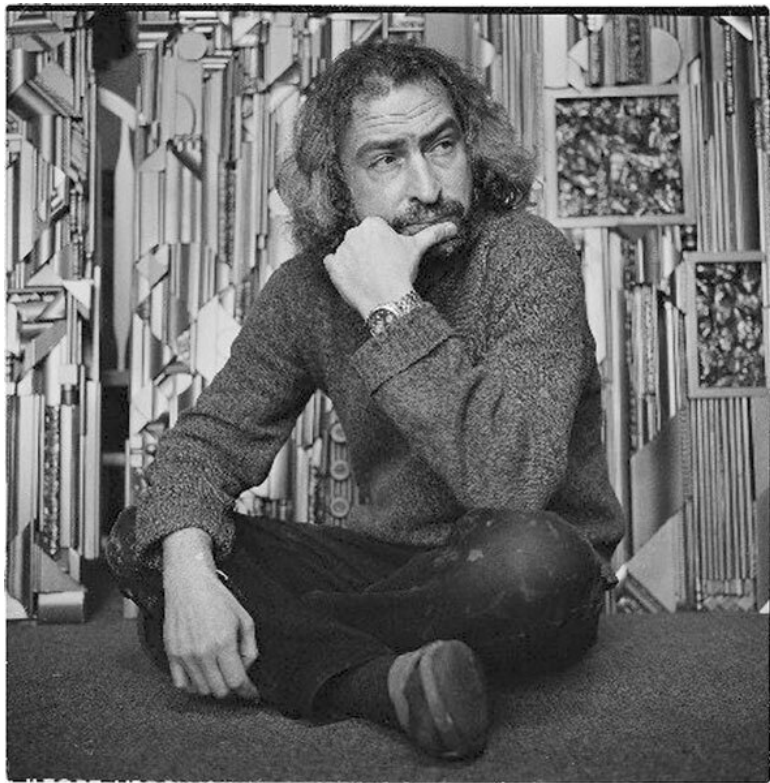
Издание книги «Дети Воинова» пришлось на момент

страшной эпидемии, которая косила людей на всех широтах. В это трагическое для мира время ушел из жизни мой брат, замечательный художник Михаил Иофин.

Наше детство прошло на улице Воинова, ныне Шпалерной. Миша очень любил рисовать Питер и хотел, чтобы одна из его картин иллюстрировала книгу.

Дорогой брат, твоё желание выполнено. Образ Гришки списан с тебя. Светлая память!

(Все деньги с продажи первого тиража пойдут на памятник Михаилу Иофину.)

*Нашим дорогим бабушкам и дедушкам
посвящается*

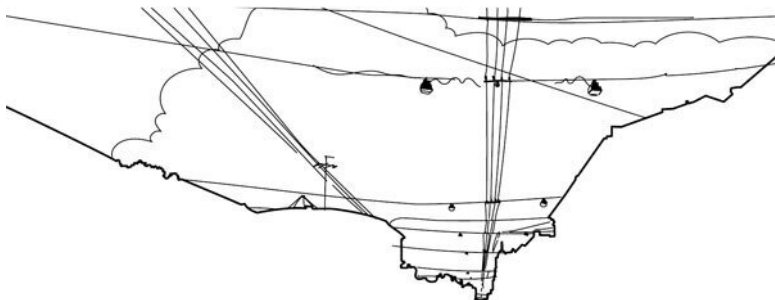
Предисловие

Я не знаю, так ли назову этот роман, я даже не уверена, что мне удастся его закончить. Он будет создаваться глава за главой, чередой отдельных, но взаимосвязанных историй, в которых переплетутся судьбы невымышленных героев под вымышленными именами.

Со всеми персонажами этого романа я когда-то где-то встречалась. Они были или есть мои родственники, а может быть, просто знакомые. В какой-то степени этот роман автобиографический. Суждено его написать мне потому, что из детей Воинова, которые еще что-то помнят, я осталась последняя.

Глава первая

Как на lamina cribrosa поселился crista galli...

Дом наш был одним из первых кооперативных домов в Ленинграде и назывался в народе «домом еврейской бедноты», к коей лишь с большой натяжкой можно было отнести проживавших там зубных врачей, гинекологов, музыкантов и работников торговли. Более соответствовали инженеры, учителя и непривилегированные врачи, в частности моя мама, Вера Михайловна, простой участковый врач, к которой бегали все от мала до велика в любое время суток. Удобство заключалось в том, что тысячеквартирный дом был одновременно маминым участком: работая на полторы ставки, она

обслуживала почти все парадные: чуть больше тысячи двухсот человек. Помню, как она умудрялась ставить бульон на маленький огонь и шла на вызовы, забегая в перерывах заправить суп или перевернуть жаркое. Неудобно было в основном мне. Мало того что все время под неусыпным контролем, так еще, помню, однажды я чуть не сгорел от стыда, когда в переполненном автобусе какая-то мамаша с передней площадки, увидев нас, прокричала с гордостью: «Вера Михайловна, вы знаете, а у нас вчера вот такой глист вышел!» Мне тогда казалось, что весь автобус смотрит на меня с брезгливостью, как на того самого глиста.

Квартира была двухкомнатная, жили мы в ней втроем, а переехали туда, когда я уже пошел в школу. А вот начиналось мое детство в коммуналке в центре города, между Литейным проспектом и Летним садом, на узкой и загадочной улице Воинова, где жили мои покойные бабушка и дед, дяди, тети, сестры и братья – вся наша большая и дружная семья, от которой остались одни воспоминания.

Именно туда впервые привела мама моего отца.

Историю их любви я узнал от своего деда Миши, легендарного танкиста, прошедшего всю войну без единой царапины и одним из первых расписавшегося на стене Рейхстага.

Вернулся он с таким иконостасом, что все ахнули – полный кавалер ордена Славы, кавалер ордена Красной Звезды, на медали не хватало даже дедовой огромной груди, на которой с воплями и слезами и повисла моя бабушка Геня. Ше-

стилетный сын Сенька хныкал и путался под ногами. Дед с недельку попил водки с соседями, успев в промежутках сделать себе и бабушке дочь Веру, мою будущую маму, которая родилась аккурат через девять месяцев после его прихода с фронта. А еще через неделю дед нацепил ордена и медали и пошел на какой-то секретный завод. Был без звука принят – хоть и еврей, но количество наград, видимо, лишило начальника отдела кадров дара речи и возможности отказать. Начальник этот, кстати, потом неоднократно указывал деду на свою лояльность и всякий раз бывал так же неоднократно послан по известному адресу моим крутым, незамутненным еврейскими интеллигентными штучками дедом.

Вскоре дед получил две комнаты на улице Воинова, куда немедленно вселился со всей семьей и по доброте душевной прописал еще и потерявшую в войну мужа бабушкину сестру с двумя малолетними детьми. Огромную коммуналку перегородили стеной, и получилась почти отдельная квартира с маленькой узкой комнатой, которую почему-то называли нишенкой.

Бабушка и дедушка с детьми оказались в сорокаметровой комнате с лепными амурами под потолком и старинным камином, в котором, по слухам, граф, живший в доме до революции, спрятал несметные сокровища. Подпитанные этими слухами и начитавшиеся приключенческих книг дети целыми днями возились у камина, простукивая его. Сенька однажды попытался с помощью самодельного устройства про-

браться в дымоход, но сорвался. Разбуженный грохотом, бабушкиными и Сенькиными воплями дед, не разбираясь после ночной смены, накидал сыну по шее, а разобравшись, накидал и по другим частям тела – за глупость.

Верочка, поплакав за компанию, стала залечивать брату раны, полученные не на поле, так на камине брани, и увлеклась настолько, что не могла остановиться до конца школы, благо Сенька с его умением влипнуть во все возможные и невозможные неприятности был просто неистощимым источником ран, синяков и порезов. Болели, правда, в основном не травмы от падений, а увечья, нанесенные не ведающей жалости рукой деда, который Макаренко за отсутствием времени не читал и в тонкостях воспитания разбирался мало.

* * *

Если бы не вечные попытки залечить раны хулигана-брата, – кто знает, возникло бы у мамы желание стать врачом и появился ли когда-нибудь на белый свет ваш покорный слуга? Но желание возникло, училась мама, в отличие от Сеньки, хорошо и поступила вроде бы без проблем, благо на дворе стояла хрущевская оттепель. Правда, дед пару недель до поступления приходил домой поздно и сильно навеселе. Говорил, что встречался с однополчанами. Как потом он обмолвился, один из них был заведующим военной кафедрой в

том самом мединституте, а второй – какой-то номенклатурной шишкой в обкоме.

Так или иначе, получив четверки и даже одну пятерку – по химии, мама в институт поступила и, как все, была немедленно сослана на морковку, где и перезнакомилась со своими однокурсниками и влюбилась в простого русского парня Сашу Иванова, которому в дальнейшем и суждено было стать моим отцом. Саша был старше, после армии, не то чтобы красив, но в плечах широк, в меру остер на язык, слыл эрудитом и у дам пользовался популярностью. Верочке с ее заурядной внешностью, хрящеватым носиком и многозначительной фамилией вроде и не светило. Она исправно дергала морковку, выполняя дневную норму, чтобы заслужить поощрение бригадира, коим единогласно избрали Александра Иванова – в силу возраста и умения командовать. Вечерами, как положено, пекли картошку, бренчали на гитаре и знакомились теснее в близлежащих стогах, хоть нравы были и построжее нынешних. Впрочем, и стогов было немного. Верочку посмотреть на звезды не звали, да она бы и не пошла, помня крутой нрав деда.

После колхоза началась нормальная студенческая жизнь – с зубрежкой, обмороками в анатомичке, студенческими вечеринками, сплетнями, поцелуями в подъездах и прочими обязательными в студенческой жизни атрибутами.

Преподавателя по анатомии еще до них прозвали Тампоном. Этот невысокий старичок заслужил такое прозвище

благодаря сплошь белой, как вата, голове. Сдать экзамен ему было трудно, и зубрили студенты, не жалея сил и используя переходящие из поколения в поколение стишки-запоминалки. Так, держа в руках анатомию Воробьева и бубня: «Как на lamina cribrosa поселился crista galli...», Верочка и воткнулась прямо в своего тайного возлюбленного и будущего мужа Сашу Иванова.

– Как ты сказала? Здорово, я уже запомнил. А дальше?

– Впереди foramen caecum, сзади os sphenoidale... – боясь поднять глаза, пробормотала Верочка.

– Гениально! – восхитился Сашка. – А Воробьева где взяла? Это же лучший атлас! У тебя череп есть?

Череп у Верочки, может, и был, но, поскольку мозг из него улетучился при виде Саши, фразы она выдавала короткие и не в такт.

– Череп дома.

Что в переводе означало, что второй номер атласа по анатомии находится на полке в родительской комнате. Иванов, однако, все понял, взял атлас под мышку, Веру под локоток и доставил обоих домой, где их встретила моя бабушка, накормила вкусно, говорила мало и вообще не мешала. Саше, видимо, это понравилось, поэтому заходить он стал часто: ел много, угощение хвалил и анатомию под Верочкины стихи запоминал резво.

До тех пор пока не заметил, что глаза Верочки хороши необыкновенно и смотрит она этими глазами влюбленно.

– Как там, Верочка, про череп? – спросил он однажды, когда дома никого не было.

– Как на *lamina cribrosa*...

Кто поселился на *lamina cribrosa*, Верочка сказать не успела, потому что губы, руки и голова переключились на практические занятия по изучению человеческого тела. Освоив анатомию, они с Сашей занялись физиологией и преуспели настолько, что вскоре им понадобилась помощь специалиста в лице докторицы из женской консультации.

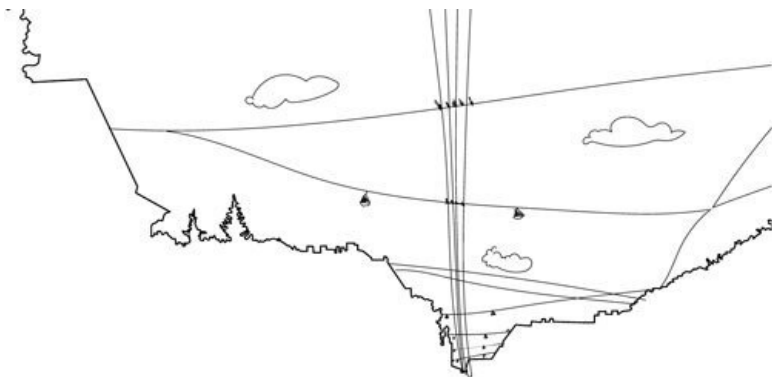
Получив доходчивое объяснение некоторым неожиданным явлениям в Верочкином организме, они отправились к ее родителям. Бабушка вытащила форшмак, а дедушка – водку. Верочка налегала на соленое – бабка с дедом переглянулись. По воспоминаниям бабки, дед налил стакан водки себе, потом Саше. Не чокнувшись выпили. Верочка замерла. Бабушка убрала из-под дедовой руки нож.

Несмотря на свою крайнюю необразованность и столь же крайнюю необрезанность, дед был евреем и выдать свою единственную дочь хотел все-таки за еврея. Саша Иванов в семью Липшицов вписывался плохо. Но тут вмешался мой дядя, единственный дедушкин сын, нещадно поротый и беззаветно любимый. О чем он говорил с дедом, история умалчивает, но дед смирился и даже перестал смотреть на будущего зятя сквозь прорезь оптического прицела. Бабушка же, всегда смотревшая деду в рот, возразить хоть и желала, но не посмела.

Так в нашем доме появился мой отец, безнадежно русский Александр Иванов, который по иронии судьбы много лет спустя станет великим знатоком еврейской религии и будет читать лекции об иудаизме по всему миру. Но это уже совсем другая история.

Глава вторая

Спелый прыщ на любимой попе

После моего рождения приехали из Риги родители Саши – мои другие, не менее заслуженные бабушка и дедушка.

Папа мой в медицинский тоже попал не случайно. Все-таки вырос в семье фронтового хирурга, ныне флагманского хирурга Балтийского флота, и операционной медсестры.

Сашино первое знакомство с медициной произошло в возрасте семи лет, когда он нарыл у деда вышеупомянутый атлас Воробьева. Сначала он листал его без интереса и заметно оживился лишь на семнадцатой странице, где красовалась голая женщина в разрезе. Ознакомившись с подроб-

ностями ее строения, он за небольшую мзду стал приглашать любопытных одноклассников. За этим занятием он и был застукан бабушкой Серафимой. Бывшая фронтовая, а ныне операционная сестра голос имела зычный, сложение крепкое, а руку твердую. Саше пришлось переключиться на страницу двадцать пять, чтобы понять, на какую из трех существующих ягодичных мышц он уже целую неделю не может сесть. Усвоив основы анатомии в школьном возрасте, поступить в медицинский было несложно, тем более что разговоры за столом скорее напоминали консилиум. Дед имел обыкновение набрасывать схемы предстоящих операций на кухонных салфетках. Пятна клубничного варенья придавали реалистичности. Так как убирать со стола входило в Сашины обязанности, он изучил желудочно-кишечный анастомоз по Иванову раньше, чем познакомился в школе с теоремой Пифагора.

Осип Иванов был не просто рядовым хирургом. По единодушному мнению хирургического персонала Военно-морского госпиталя, он был Богом. На его виртуозные операции приезжали аспиранты из Москвы, Киева и Ленинграда. Бабушка Серафима краснела от гордости и подавала не глядя инструменты. Руки дедушки Осипа летали над операционным полем. Чуть выше порхали сердца студенток-медичек, безнадежно влюбленных в гениального хирурга, который любил только Серафиму и хирургию. Правда, хирургию он побаивался чуть меньше.

Четверо моих бабушек и дедушек сошлись на сорокаметровой территории – и тут же все заболели тяжелой, хронической, неизлечимой болезнью, для которой не придумал лекарства ни великий Гиппократ, ни другие не менее именитые лекари всех времен и народов. Эта страшная зараза поражает без разбора всех бабушек и дедушек, всех мастей и страстей, под всеми широтами. Нет ничего страшнее и прекраснее этого недуга: он лечит и калечит, он делает нас сильными и слабыми, он помогает и мешает, он ранит и исцеляет. Все зависит от стадии и тяжести заболевания. Имя этого недуга – любовь к внукам.

Мои бабушки и дедушки подхватили ее в самой страшной и безнадежной форме. Разум все четверо утратили окончательно и бесповоротно. За право меня пеленать, мыть, кормить, петть мне колыбельные шли нешуточные бои без правил. Даже до смертоубийства один раз чуть не дошло. Жертвой стала моя двоюродная тетушка Хая, которая тоже проживала с нами, в маленькой нишенке с окном-эркером. Что пришло в ее рыжую буйную голову, когда однажды она увидела коляску со мной около почты? Дедушка Миша, по-видимому, отлучился на минутку взять газету. В те времена это было безопасно. Выйдя через секунду на крыльцо, он коляски с младенцем не увидел.

Дедушка помертвел. Если бы еще секунду спустя он не увидел на другой стороне улицы мою тетку, призывно махавшую ему одной рукой, придерживая коляску другой, у меня стало бы на одного деда меньше. Когда я вырос и мне рассказали эту историю, я потом долго приставал к тетке, что же такого мог сказать ей дед, что бабушка рассталась со своими единственными золотыми часами, чтобы загладить его вину. Тетка стыдливо отмалчивалась и краснела. По рассказам очевидцев, она еще долго не могла выйти на улицу – над ней улюлюкали даже вороны. Любознательные соседские гопники по памяти записывали и сверяли друг с другом текст, чтобы блистать знанием фольклора на сходках любого уровня. Авторитет деда в глазах местной шпаны вознесся до небес. К нему даже посылали гонцов с просьбой повторить на бис, но, видимо, такая цыганочка с выходом удается только однажды.

* * *

Но вернемся назад, в комнату, где даже у амуров на потолках слипались крылья от приторных эпитетов, которыми называли меня совершенно утратившие чувство реальности бабушки и дедушки.

Через неделю идиллия была неожиданно нарушена: на глянцевой попке младенца вскочил прыщ. Женщины стелили, обвиняя мужчин – мол, те недостаточно старательно брились перед тем, как благоговейно приложиться грубы-

ми непростерилизованными губами к священному заду. Все взоры обратились к хирургу. Только его годами накопленный опыт мог спасти младенца. Младенец, правда, чувствовал себя прекрасно, громко орал, хорошо ел, сладко спал и не подозревал о надвигающейся неминуемой гибели.

Дедушка, вооружившись хирургическими пособиями, срочно доставленными из библиотеки на такси, штудировал сложнейшие полостные операции. Бабушка Геня, случайно подсмотревшая ход операции по ампутации нижних конечностей, свалилась в долговременный обморок. Из обморока ее вывело только чувство долга. Срочно кипятили воду. По мобилизации были призваны все многочисленные родственницы женского пола. Дом отдраили до блеска. Танкисту доверили обработку ангелов на потолке, чтобы ни пылинки не упало на детскую попку в ореоле мученика. Что там сражение под Прохоровкой!

Дымоход доверили опытному дяде Сене. Квартира сияла. Мыли окна, двери. Соседи любопытствовали и предлагали услуги. В аптеках были скуплены недельные запасы йода, бинтов, ваты и валидола. Бабушка Серафима стерилизовала инструменты. Папу, зачем-то стырившего с кафедры нейрохирургии трепанатор черепа, с позором разжаловали из ассистентов в санитары. Дедушка Осип звонил коллегам из Москвы и Киева, чтобы получить последние консультации. Те сочувственно отмалчивались.

Наконец час пробил.

На стерильной пеленке лежал не менее стерильный младенец.

Созревший прыщ, размером с недоношенную горошину, призывно синел на розовой попке. Бабушка Серафима еще раз залила йодом прыщ и паркет. Дедушкино лицо не в гамму побелело.

Танкист, бравший Берлин, запивал на кухне валидол водой. Смех бессердечного дяди Сени глушил младенческие вопли и рыдания мамы и бабушки Гени. На лестнице некурящий папа зажег сигарету с фильтра.

Не растерялась только бабушка Серафима. Выхватив из дрожащих рук флагманского хирурга Балтийского флота скальпель, она ловко проткнула созревший прыщ и залепила микроскопическую ранку пластырем. Я жадно присосался к заботливо подставленной материнской груди. На мое младенческое лицо капали слезы бабушек и пот дедушки-хирурга, так и не справившегося со спецзаданием.

На следующий день ранка на попке затянулась, чего нельзя сказать о душевных ранах бабушек и дедушек, которым суждено было кровоточить до конца их жизни. А все потому, что преданы они были мне так беззаветно, как не был предан больше никто и никогда в моей жизни, и подарили столько любви и нежности, что запаса этого мне хватает и по сей день.

А вот как дедушке Осипу удалось восстановить подорванную репутацию совершенно неожиданным для хирурга спо-

собом, я расскажу в следующий раз.

Глава третья

Игра в ножички

Несколько дней деда Осип пристыженно молчал, безропотно снося ехидные подколы деда Миши и Семёна. Обста-

новка начала накаляться, женщины стали недовольно греметь кастрюлями на кухне. Бабка Серафима не могла снести неуважительного отношения к Осипу и огрызалась по поводу и без повода.

Мои рижские родственники потихоньку стали собираться домой. Их вяло и неубедительно удерживали.

Разжалованного деда поставили на глажение пеленок. В его руках это унижительное занятие превращалось в поэму. Он отпаривал их с двух сторон, потом складывал вдвое, наводил стрелочку, как на форменных брюках, опять складывал и опять гладил со всех сторон. Пеленок было много, и это занятие по эффективности напоминало сизифов труд.

Еще в его обязанности входил поход за молоком в знаменитый «низок» на углу Чайковского и Фурманова. Низок его называли потому, что магазин располагался в полуподвале и от двери его вели вниз несколько ступенек.

В тот день дед взял бидончик, вышел из прописанной мартовскими котами парадной и углубился под арку. Облитый матом и помоями, он вежливо извинился перед дворничихой и вышел на улицу Чайковского. Тут его, видимо, осенила очередная творческая идея, как закрыть кровоточащую печень сальником. Прокручивая в голове ход операции, он медленно миновал «низок» и проследовал дальше, в сторону Соляного садика. Там его и отловил еще один мой дядя, а точнее, муж еще одной моей тети, Мирры, Моня, личность в нашей семье тоже по-своему легендарная. Славен он

был не только чином майора авиации, но и успехами у женского пола. Ни одна юбка не могла пройти рядом без риска быть смятой, поглаженной, а то и задранной. Возраст Моню не смущал – он интересовался женщинами в период полового созревания, цветения, увядания и, соответственно, гниения. Он умудрялся даже обменяться соленым словечком с девяностовосьмилетней Зельдой, пребывающей в стадии полового компоста. В свободное от женщин и завода время он ошивался в Соляном садике, где играл в шахматы и с проворством дикого зверя отслеживал очередную половозрелую жертву. Поговорив о женщинах и о погоде с Монею, дед Осип развернулся в сторону «низка», и вдруг его внимание привлекла группа пацанов, возившихся тут же, на куске оттаявшей ленинградской земли. Мальчишки орали, матерились и оживленно махали руками.

Дед приблизился. В центре кодлы сидел на корточках Гришка, сын Мони. В его руке был ржавый перочинный нож, который он с размаху всаживал в землю. Иногда ножик падал плашмя в лужу и тогда по праву переходил к другому играющему. Это была знаменитая у всех дворовых пацанов игра в ножички. Дед заинтересованно остановился. Гришка с усмешкой посмотрел на родственника и вытер нож о штаны.

– Ты неправильно держишь нож, – сказал дед. – Его надо держать тремя пальцами, как скальпель, тогда он будет слушаться твоей руки и никогда не сделает неверную линию.

– Попробовать не желаете? – с издевкой протянул нож

Гришка.

Хулиган он был еще тот. Это потом он станет знаменитым пианистом – тогда же он с большим успехом играл не на приобретенном за дикие деньги рояле, а на родительских нервах.

– Можно и попробовать, – невозмутимо сказал дед и оглянулся, куда бы пристроить бидончик.

Взяв тампон из подозрительно-желтоватого снега и по привычке промокнув операционное поле аккуратно там, где Волга впадает в Каспийское море, он представил себе расстояние между аортой и легочной артерией и ахнул ножик точно между ними, попав прямо в Астрахань. Герои Соляного сада превратились в соляные столпы. Дед Осип метал с левой и с правой руки, от бедра и с закрытыми глазами. Аорта-Волга обливалась кровью и весенними ручьями, а сердца посрамленных дворовых мальчишек – слезами. Тощие весенние голуби зависли над сквером, от удивления перестав гадить на задремавшую на лавочке Зельду.

А тем временем на улице Воинова били тревогу. По прошествии часа Сеню отправили в «низок», откуда он явился с известием, что деду Осипа там не видели. Вместе с папой они бросились прочесывать дворы и подвалы. Женщины стали обзванивать морги и больницы. Кульминацией был бодрый голос дежурной по городу, которая равнодушно посоветовала бабке Серафиме не волноваться, – ей, мол, обязательно сообщат, в каком морге лежит ее муж.

Прошло еще часа два – следов деда нигде не обнаружилось. Валерьянка и терпение кончились.

– А что, Сима, – вдруг спросил дед Миша, – не было ли у Осипа проблем с этими?.. – И он многозначительно кивнул в сторону Литейного проспекта.

Дело в том, что улица Воинова упиралась прямиком в Литейный, 4. Шутка, что это самое высокое здание в Ленинграде и с его крыши виден даже Магадан, была очень в ходу.

Бабка побелела и простонала только одно слово:

– Самуил...

Когда ее сбрызнули водой, она сквозь слезы поведала историю дружбы Осипа и Самуила. Еще в войну они работали вместе в военно-полевом госпитале. Самуил Герштейн был акушером-гинекологом, но в войну, как водится, работал военно-полевым хирургом, в перерывах между ампутациями потроша военно-полевых жен и принимая роды у благодарного местного населения.

После войны оба оказались в Риге, заведующими, соответственно, гинекологическим отделением и отделением военно-полевой хирургии. Сарра, жена Самуила, работала учительницей в местной школе.

Когда дело врачей дошло и до их госпиталя, началась чистка по доносам. Надо ли говорить, что на Самуила донесла старшая медсестра, которую он спас при родах, сделав уникальный поворот ребенка в утробе за ножку? Самуила сняли мгновенно, высылка и арест были неизбежны.

Справедливости ради, персонал гинекологического отделения старшую не поддержал. Вечно поддатая санитарка Глаша, прославившаяся тем, что во время обхода на вежливое замечание главного о плохо помытом поле повернулась к нему тылом и объявила: «Хочешь, жопу покажу?» – так вот, эта самая Глаша шваркнула воняющую сортиром тряпку старшей в рожу и сказала, что в следующий раз засунет эту самую тряпку туда, откуда старшей заведующий выковырял ребенка, и так же поперек. Старшая ждать этого не стала, тихо в одночасье уволилась и исчезла.

Так вот, тогда дед Осип и пошел к первому секретарю обкома. Видимо, там он намекнул, что если тот не поможет Самуилу, то больница и город узнают, как его шестнадцатилетней доченьке Самуил ночью втихаря делал аборт. Довод был более чем убедителен, и миссия завершилась успешно. Самуила не восстановили, конечно, но всего-то сослали в Очков, куда Осип и Серафима ездили потом отдыхать ежегодно. Несколько лет назад Самуил с семьей перебрался в Ленинград, и деда Осип уже навещал его несколько раз. Жил Самуил на Салтыкова-Щедрина, и дорога к его дому лежала мимо Литейного, 4. Все это помертвевшая бабка Серафима и выложила на одном дыхании.

Деда Миша посидел еще с минуту, встал и вернулся со стремянкой. Приставил ее к камину, забрался на последнюю ступень, ударом кулака вышиб третью с краю плитку и достал наган. Сенька застонал. Дед передернул затвор, спустил-

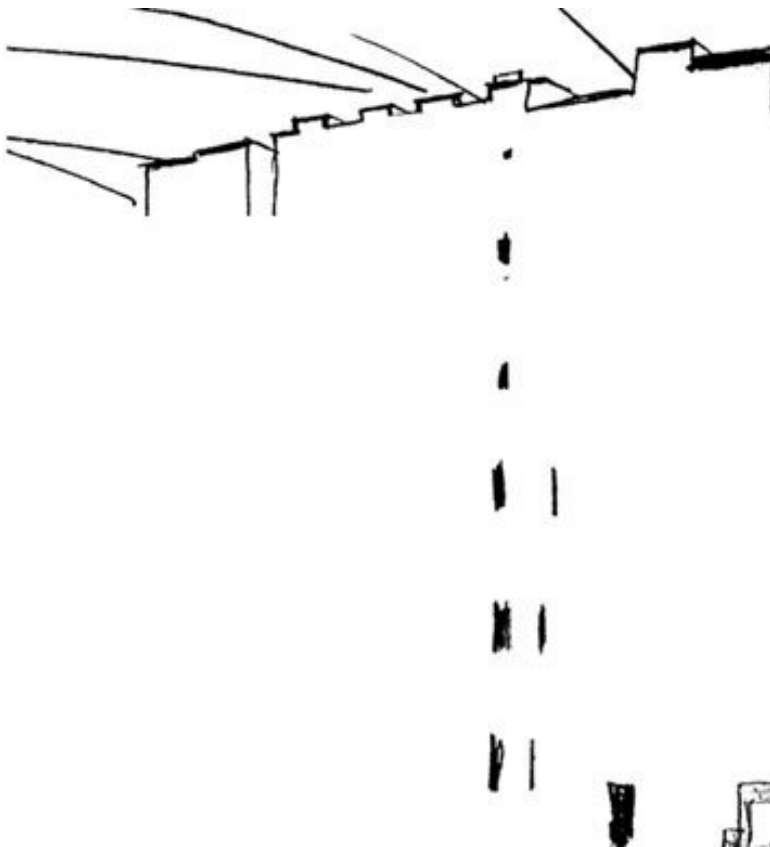
ся и тяжелым шагом направился к входной двери. Женщины с воплями кинулись ему в ноги. Неизвестно, чем бы закончилась попытка деда Миши взять с наганом Литейный, 4, если бы в эту самую минуту не раздался звонок в дверь. На пороге стоял деда Осип в грязном пальто, без шляпы, с пустым бидоном. Рядом восторженно голосил Гришка, которого держал дядя Моня. Женщины, обнимавшие колени деда Миши, не поднимаясь, как мусульманские наложницы, воя на той же ноте, ухватились за колени деда Осипа.

Через час все утомонились, выпили, закусили, опять выпили, снова поплакали. Моня и Гришка так живописали умение хирурга владеть ножом, что сомнения в его профпригодности улетучились вместе с напряженной обстановкой в семье. А окончательная реабилитация произошла неделями позже на Кузнечном рынке, но это уже совсем другая история.

Глава четвертая

Пасхальные страсти

на Кузнечном рынке

Надо ли говорить, что никуда бабушка Серафима и деда Осип не уехали и остались еще на пару недель?

Приближалась Пасха. Времена были не то чтобы лихие, но в синагогу ходить открыто опасались. Поговаривали, что в домах напротив синагоги на Лермонтовском проспекте постоянно дежурят мальчишки с голубыми глазами.

Посылали Сеньку: он знал ленинградские проходные дворы лучше ленивых местных участковых милиционеров и уйти мог от любой слежки. Справедливости ради, это ни разу не понадобилось. Видимо, наша рабочая еврейская семья была не слишком интересна органам.

В этот раз Сенька брал мацу и на семью дедушкиного друга Самуила, с которой, естественно, все уже познакомились, и праздновать Пасху решили вместе.

Какая Пасха без бульона из курочки? На Кузнечный рынок была отправлена делегация на высшем уровне во главе с Саррой, дежурной по бульону. Другую курочку собирались фаршировать черносливом. Это ответственное дело доверяли только Самуилу – все-таки по его специальности. Он профессионально брал курицу за липкие ляжки, указательным и средним пальцем проверял анатомическую и акушерскую конъюгату и ловко фаршировал внутренность, ни разу не ошибившись в количестве начинки. Профессионально наложенные швы в промежности возвращали курице утраченную девственность.

Бабка Серафима участвовать в походе на рынок категорически отказалась, мотивируя тем, что она и так навеки опозорена.

Дело в том, что у мамы после родов началась анемия, и ей надо было есть гранаты. Мама гранатовый сок терпеть не могла и втихаря спаивала его Сеньке и папе. Их цветущая румянность только подчеркивала мамину бледность. Семья решила, что на рынке продаются плохие гранаты, и командировала бабушку Серафиму и деду Осипа на поиски хороших.

Гранатов было немного. Дед подошел к продавцу:

– А хороши ли гранаты, сынок? Что-то они нам не очень помогают.

Вальяжный усатый продавец ужасно обиделся:

– Ты посмотри, какой гранат! Где такой еще найдешь?

В сердцах он выхватил нож размером с хороший кинжал и хватанул по гранату. Тот развалился, выплюнув на прилавок темную струю своей гранатовой крови. Дед автоматически выбросил правую руку в сторону.

– Сушить! – строго скомандовал он Серафиме.

Что самое ужасное, она, на том же автопилоте, мгновенно достала чистый платок и точным движением вложила в руку хирурга, который затампонировал несчастный гранат и только потом очнулся и сконфуженно отступил назад. Глаза продавца приобрели размеры граната и так же налились соком-кровью. Пара гранатоспасителей быстро ретировалась с рынка во избежание дальнейшего кровопролития.

Словом, сопровождать Сарру и Самуила пошли только деда Осип с Сеней и дедой Мишей в качестве бесплатной рабочей силы.

Тетя Сарра остановилась у прилавка с курицами и недоверчиво пощупала куриный бледный бок с подозрительными желтоватыми пятнами на пупырчатой коже.

– Она свеженькая? – спросила она у продавца-грузина.

– Слушай, мамой клянусь, сегодня еще неслась! – И продавец перевернул курицу, которая, услышав такую наглую ложь, посинела с другого боку.

Недоверчивая Сарра взяла курицу двумя руками, стыдливо раздвинула ей ляжки и потянула носом, близоруко склонясь над курицыным естеством.

– Слушай, давай я тебя так же понюхаю! – возмутился грузин.

Соседи и зрители заржали и сползли под прилавки. Сарра покраснела, и курица выскользнула у нее из рук. Рядом стоял дед Осип.

– Я бы вас попросил, любезнейший, немедленно извиниться перед дамой! – возвысил он голос.

Грузин открыл рот, чтобы отбрызнуть неожиданного заступника, как вдруг через прилавок перелетел вихрем человек и бросился на деду Осипа.

Крик Сарры был слышен по всему Кузнечному рынку. Дед Миша и Сеня, побросав авоськи, рванули на подмогу.

Но еще раньше под стеклянной крышей Кузнечного рын-

ка раздался другой истошный вопль:

– Осип Иванович, это же я! Я! Отари Долидзе! Ну вспомните, ноги чуть не ампутировали, вы же не дали, собрали по кускам! Ну, я же Отари! Мама! Нугзар! Где вы?! Смотри, доктор, все смотрите!

Отари вскочил на прилавок и стал плясать лезгинку.

Задира л штанины, показывал ноги в шрамах, плакал, кричал и танцевал.

Из другого ряда подскочил молодой парень, взглянув на которого деда Осип, конечно, вспомнил молодого Отари, истекающего кровью подрывника. Ноги в кашу. Парень был, на удивление, в полном сознании и все просил, чтобы ему только ноги не отрезали. Все были против, а дед, почувствовав, что пятки теплые и, значит, кровоснабжение есть, восемь часов не отходил от стола, сшивая разможенные мышцы и прилаживая раздробленные кости. Выжил парень, потом в тыл его переправили – и потерялся след.

Сейчас пятидесятилетний Отари танцевал и плакал на прилавке Кузнечного рынка. Глядя на него, плакали все, включая опозоренного продавца, который уже схлопотал той самой многострадальной курицей по морде от неразобравшегося Семёна, плакали продавщицы в молочном и овощном ряду, плакали подросшие милиционеры и просто покупатели, а деда Осип виновато протирал очки.

Не плакала только одна очень старая женщина в черном. Она подошла к деду, взяла его руки в свои, потом кряхтя

наклонилась и встала на колени перед хирургом, спасшим жизнь и ноги ее единственному сыну.

Никогда еще Кузнечный рынок не видел такого накала страстей на единицу своей торговой площади.

Эта Пасха вышла совершенно особенной. За столом сидели Сарра и Самуил, вся моя семья, семья Отара Долидзе. Старая Этерия не спускала меня с рук, благословляя на своем языке.

Деда Миша после всего этого проникся к Осипу такой любовью и уважением, что, когда тот уехал обратно в Ригу, ужасно скучал и звонил часто.

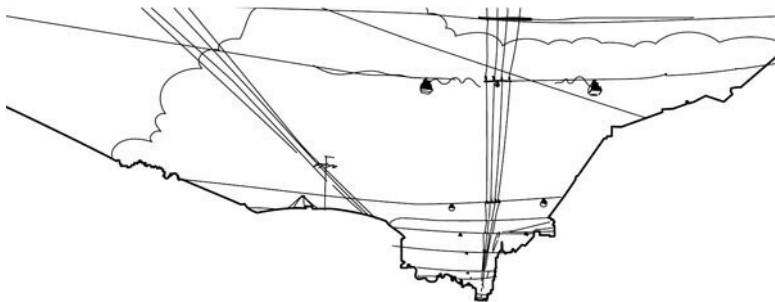
А когда я стал чуть постарше, в Ригу отправили меня, и там я для начала потерялся и навсегда полюбил собак. Но об этом в следующий раз.

* * *

Заканчивая эту главу, я забыла, что, прежде чем теряться и учиться понимать собак, ребенок должен был немного подрасти и заговорить по-человечьи, поэтому следующую главу я назвала:

Глава пятая

Lingua latina non penis canina, или Уроки языковедения

Я заранее прошу прощения у многоуважаемых читателей за некоторую фривольность этой главы. Но ведь «Дети Воинова» – не совсем детское чтение, верно?

Ниже привожу перевод некоторых выражений, без которого смысл этой главы понять будет сложно.

Cik maksā aboli? – Сколько стоят яблоки? (*Латвийский язык.*)

Lingua Latina non penis canina. – Не хер собачий. (*Латвья.*)

Fortuna non penis in manus non recipe – Счастье не член –

в руку не возьмешь. (*Латынь.*)

* * *

Говорить я, на радость всем, начал рано и почти сразу предложениями. Память у меня была великолепная, слух отменный, нос, как положено, длинный, и совал я его куда надо и не надо. Всем окружающим приходилось быть очень аккуратными в использовании языковых оборотов. Особенно туго пришлось Сене и дедушке, которые привыкли в порыве чувств в выражениях не стесняться, а теперь для выяснения проблем отцов и детей им приходилось уединяться на кухне и ругаться полупшепотом. Весь интерес пропадал не начавшись. Дедушка вообще знал невероятное количество не подходящих для моего уха частушек, и ему всерьез пришлось прикусить язык. Женщины немедленно взрывались негодующим воплем, когда он, проходя мимо нишенки и поглядывая на вдовствующую бабушкину сестру, игриво напевал: «Мимо тещино дома я без шутки не хожу...»

Но первым попался мой бедный папа. Дело в том, что мама в это время проходила практику в Ленинском районе старого коммунального Ленинграда. В ее участок входило несколько домов между провонявшей дрожжами с пивного завода Курляндской улицей и проспектом Газа, поблизости от завода «Красный треугольник», сливавшего производственные и канализационные отходы в Обводный канал.

То еще местечко. И народец соответствующий – люмпен, гегемон. Дома шли на расселение, и те, кто жил на последнем этаже, к участковому врачу в сумерки ходить боялись и ленились. Уже опустевшие квартиры на нижних этажах были заняты бомжами и всяким другим малоприятным сбродом. Мама же, как молодой специалист, должна была шлепать в темноте среди подозрительных личностей, чтобы обслужить оставшихся на верхних этажах жителей.

Вот и в тот день, больная, в порвавшихся и промокших сапогах, она потащилась на седьмой этаж нелифтированного дома 32 по Курляндской. Дверь ей открыла румяная сытая жена местного милиционера, держа на руках не менее сытого младенца. С радостной улыбкой поприветствовав мою анемичную, тощую и сопливую маму, она разверзла сахарные уста деревенской хабалки и спросила, какой кусочек от курочки лучше дать ее зажавшемуся Ромочке.

Все это мама, рыдая, рассказала дома папе, пока он стаскивал с нее сапоги и ставил мамины отмороженные ноги в тазик с теплой водой. Папа, на минуту забывшись, ясно сказал, какой именно кусочек от курочки и куда засунул бы он Ромочке. На что я немедленно спросил, что такое «жопа», и вопросительно воззрился на папу в ожидании объяснений. Если бы папа мог, он утопился бы в тазике. Дедушка и Семён, хрюкая, вылетели на кухню. Папа, страшно покраснев под испепеляющим взглядом мамы и бабушки Гени, выдавил из себя, что это просто самая вкусная часть курочки.

Инцидент, казалось, был исчерпан. Но он еще аукнулся, когда я был приглашен на день рождения к соседской Розочке. Она была так же прекрасна и пленительна, как масляные розочки на праздничном торте. И когда меня спросили, какой кусочек мне бы хотелось, я очень четко выговорил слово, которое не имело к тарту никакого отношения, но имело самые серьезные последствия в наших отношениях с соседями. Я так и не понял, почему, когда я попросил самый вкусный, по словам папы, кусочек, то есть жопу от тортика, нам пришлось немедленно уйти домой, и Розочка больше никогда не появлялась в нашем доме.

Язык мой – враг мой! Это было только начало. Сколько я страдал из-за него и физически и морально! Может, и надо было слегка подкоротить его еще в детстве, тем более что такая возможность представилась той же зимой.

* * *

Семёну иногда доверяли гулять с любимым племянником. При этом нам строго-настрого запрещалось выходить со двора на улицу, приближаться к кошкам, собакам, машинам, магазинам, сосулькам, помойкам... Список можно было продолжать до бесконечности. Семён получал наставления перед каждой прогулкой, словно ему поручали доставить суперважный пакет в ставку командующего. Понимая всю степень ответственности, Семён со двора не выходил, да

он и не стремился, так как двор был полон скупающих от сидения с детьми мамаш, а чернявый Сеня вид имел импозантный и глядел с вожделием и многообещающе.

В тот день стоял такой холод, что бабушка долго сомневалась, выпускать ли чадо на улицу вообще, но в итоге решила, что свежий воздух все же лучше. И вот, одетый так, что едва мог шевелиться, я был этапирован во дворик со своим верным охранником, который, определив меня у замерзших намертво качелей, стал окучивать очередную молодку с младенцем.

Молодка истекала молоком, а Сеня слюнями. Да и звучала она, видимо, обнадеживающе, потому что Сеня отвлекся всерьез, а я, соответственно, заскучал. Развлекал меня только призывный блеск качельной железяки, которая, как строго запрещенное зимой мороженое, переливалась на холодном январском солнце. Язык сам потянулся к качелям и в строгом соответствии с законом физики немедленно примерз.

Мой вой разбудил даже медведей на Карельском перешейке. Сеня в истерике попытался меня отодрать, но не тут-то было – против природы не попрешь. Я орал от боли, а Сеня от ужаса. Он прекрасно понимал, каким именно местом его на глазах всего двора прилепят к качелям, где и оставят оттаивать до весны, и, уже ничего не соображая, дергал меня за голову. Я же, весь потный и красный, орал как пожарная сирена. На наши вопли вылетела бабушка, быстро оценившая

ситуацию из окна, окатила мой язык и железку теплой водой и аккуратно высвободила из ледяного плена.

Сеня, получивший с размаху тем же ковшиком по голове, даже не роптал, понимая, что дешево отделался. Все же на всякий случай он затаился на пару дней у уже обработанной молодки, чтобы переждать бурю, которая разразилась после возвращения домой мамы, папы и, главное, дедушки. Пару тумачков и оплеуху по возвращении он принял с кладбищенским смирением. Видимо, счел их заслуженной расплатой за мой отмороженный язык и поруганную честь кормящей ма-машки.

* * *

Зима кончилась, и по весне меня отправили в Ригу к другим моим бабушке и дедушке. А на лето из пыльной Риги меня всегда увозили на Рижское взморье. Как таинственно и заманчиво звучали названия: Дубулты, Яундубулты, Дзинтари, Майори... А ресторан «Юрас перле»! Незнакомые слова перекачивались во рту, как ракушки в песке прибалтийских дюн.

В этот раз дачу мы снимали в Яундубултах. Деда Осип утром ездил в Ригу на работу, оставляя нас с бабушкой Серафимой на даче. Почти ежедневным развлечением были походы на местный рынок. Я быстро усваивал сложный латышский язык. Бабушка просто раздувалась от гордости, когда я

подходил к прилавку и важно спрашивал: «Cik maksā aboli?» Торговки умилялись и делали скидку.

В соседней с нами комнате проживали шумные студентки-медички. В июне, понятное дело, шла сессия, и они целыми днями гундели непонятное. Меня они любили, зазывали к себе часто и втихаря от строгой бабушки подкармливали чем-нибудь вкусеньким. Аппетит мне перебить было трудно, и их коварство оставалось незамеченным. К слову, по-моему, они через меня пытались наладить связи с дедушкой, потому что в дальнейшем всем предстояло у него сдавать военно-полевую хирургию.

Однажды я, как всегда, зашел на огонек, а главное, поживиться бутербродом с категорически запрещенной и от этого еще более любимой дешевейшей ливерной колбасой. Девушки, заткнув меня приличным куском, долбили что-то на незнакомом языке.

Решив блеснуть перед коренными рижанками, я вставил свое дежурное «Cik maksā aboli» и замолчал, ожидая похвалы.

– Ну, молодец, латышский знаешь! – Дайва потрепала меня по буйной шевелюре. – А мы вот латынь учим. *Lingua latina – non penis canina*, – назидательно сказала она под стыдливое хихиканье товарок.

Про латынь я уже слышал, правда, в разницу между латышским и латынью не вникал. Бабушка, каждый день измерявшая деду давление, горестно вздыхала: «*Cogito ergo*

sum!» Дед объяснил мне, что это значит: «Врач, излечися сам».

– А еще? – попросил я Дайву.

Бедная наивная девочка. Она не учла мою феноменальную память и восприимчивость к языкам. Она просто хотела повеселить заучившихся подружек. Откуда ей было знать, чем обернется ее коварная шутка?

Под хохот товарок она выдала:

– *Fortuna non penis in manus non recipere!*

Тут настало время обедать, и бабушка призвала меня за стол.

Самое страшное произошло на следующий день.

Мы, как водится, утром пошли на рынок: строгая интеллигентная бабушка с кошелкой и я, очаровательный кудрявый херувим в матросском костюмчике. Любо-дорого смотреть!

Останавливаемся перед знакомой продавщицей, бабушка отступает назад, делает приглашающий жест рукой: мой выход. И тут я на голубом глазу без запинки выдаю:

– *Fortuna non penis in manus non recipere!*

Продавщица с изумлением смотрит на бабушку, понимая только значение слов «пенис» и «фортуна». Как женщина опытная, она даже видела между ними прямую связь, только не понимала, какое это отношение имеет ко мне и ее яблокам.

Видимо, бабушка на некоторое время потеряла дар речи,

и я, ошибочно приняв ее гробовое молчание за одобрение, выдал второй перл:

– *Lingua latina non penis canina.*

Тут уже растерялась и продавщица. Все-таки торговала она яблоками, и смысл моих многозначительных тирад про пенис ускользал от нее.

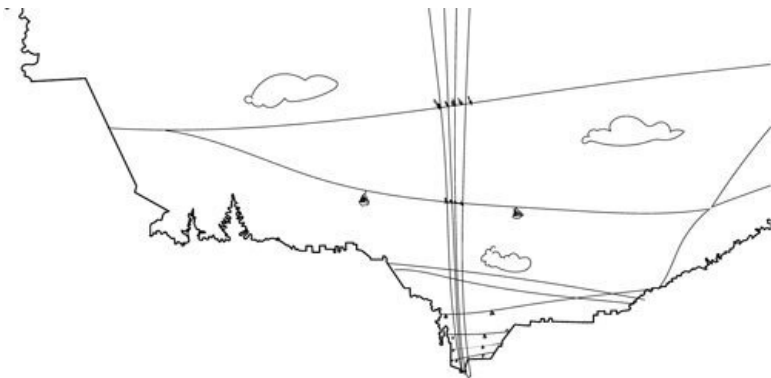
Очнувшаяся бабушка цвета перезрелого помидора рванулась с рынка, как призовая борзая.

Добравшись домой в рекордно короткое время, она посадила меня в комнате, а сама вломила к медичкам. Дверь она тщательно притворила, а то бы я познакомился, наверное, и с татаро-монгольским фольклором. Все же фронтовая медсестра помнила, как командиры поднимали батальоны в атаку.

Дедушке все было доложено по возвращении – шансы многострадальных девиц сдать в дальнейшем хирургию сделались так же малы, как шанс выйти замуж за князя Монако, и им ничего не оставалось, как позорно ретироваться с дачи. А на их место вскоре вселилась семья с девочкой Любочкой – и вот тут-то начались настоящие дачные приключения.

Глава шестая

Собака бывает кусачей только от жизни собачьей

Любаша была моя дальняя родственница, десятая вода на киселе, как выразилась бабушка, дав мне пищу для размышлений на целый вечер. Кисель и Любашу я любил по-разному. Кисель я любил пить, а с Любочкой любил играть. С ней было всегда весело и интересно. Надо было знать эту заполошную девчонку, которая умудрялась командовать даже мальчишками намного старше ее. В умении задурить голову кому угодно ей не было равных.

Я не понимал и, наверное, до сих пор не понимаю, что такое настоящая красота. Так вот, Любочка со своими не очень правильными чертами лица и теловычитанием вместо телосложения была прекрасна. Ее не могли испортить ни растрепанные волосы, ни битые коленки, ни замурзанная мордашка. Когда она улыбалась, расцветали даже камни. Она никогда не плакала и не закрывала рта. Я просыпался от ее звонкого голоса, а вечером это щебетание без пауз было мне лучшей колыбельной. По-моему, она никогда не ела и не спала. Мама Любочки тщетно пыталась усадить ее хотя бы пять минут почитать. Вы когда-нибудь пробовали остановить облака в небе? Любочка пролетала мимо мамы со скоростью гепарда и занятостью муравья – и уже издалека доносилось ее дежурное: «Мамочка, еще пять минуточек!»

Пять минуточек превращались в бесконечные часы, за которые она успевала сварить суп из листков жасмина, накормить этим супом какого-то великовозрастного придурка, сказав, что это лекарство от прыщей (кстати, помогло!), построить шалаш из веток и поселить в него соседскую курицу, которая от испуга перестала нестись, поиграть со всей улицей в прятки, после чего все еще целый час не могли найти трех детей и престарелую дачницу из дома по соседству. Триумфом был кисель из зеленого крыжовника, который споили мне со всеми вытекающими из разных мест последствиями. После того как меня полоскало всю ночь, бабушка имела серьезный разговор с Любочкиными роди-

телями. Те бледнели, краснели, извинялись и клялись, что больше подобного не повторится. И это как раз было чистой правдой: Любочка вообще не любила повторяться. Симптомы после варенья из немытой клубники, сваренного в ведре для пищевых отходов, были более доброкачественными, и бедная наивная бабушка приписала их вчерашнему кефиру. Ушибы, порезы, царапины в счет не шли, а до серьезных травм, к счастью, не доходило. Все-таки девочка – ни рогаток, ни другого оружия массового поражения.

Про рогатки вообще разговор особый. Любаша не переносила ничего, что могло повредить животному миру. Она была с ним одной крови – этакая Маугли местного разлива. На ее голос слетались даже комары, кусая всех, кроме нее. Птицы, кошки, собаки, червяки и, к испугу всей дачи, даже, кажется, змеи поджидали ее на каждом шагу, чтобы просто поприветствовать или попросить о помощи. Она безошибочно вытаскивала колючку из лапы захромавшей собаки и микроскопического клеща из спинки роскошно-пушистого ангорского кота. Ежи не выпускали иголок, бабочки и божьи коровки бесстрашно садились Любочке на руку. Она попыталась даже участвовать в принятии родов у козы с соседней улицы, но хозяйка не разрешила – все-таки ребенок. А зря. Могла бы сэкономить на ветеринаре, да и коза бы меньше мучилась. Козленка уж потом мы вместе выхаживали – тут никто не возражал, даже мама-коза.

Так вот, этот дар и послужил началом всей последующей

истории.

* * *

За три дома от нас жил старый Пауль – этакий книжный червь с характером законченного аутиста. Никто бы и не вспоминал о его существовании, если бы не пес Бубен, совершенно исполинских размеров немецкая овчарка. Когда Пауль шел с ним по улице, народ опасливо расступался. Во дворе Бубен сидел на цепи и, когда незнакомцы, по неведению, стучались, чтобы спросить о комнате внаем, заходиллся таким лаем, что дачников сдувало до самых Майори. Пауль даже дверь, похоже, не закрывал – кому в голову придет к нему наведаться, когда во дворе сидит этакий цербер с зубами в палец длиной? А вот Любаше пришлось.

– Пойдем, что-то покажу! – схватила она меня за руку.

Идти или не идти – не обсуждалось: шел безропотно, как нитка за иголкой. Правда, слегка замедлил шаг, когда подошли к забору Пауля. Даже руку выдернул, что уже просто бунтом считалось.

– Смотри! – прошептала Любаша и отодвинула доску забора.

Бубен лежал, положив морду на лапы, и смотрел печально.

Любаша скользнула внутрь – я от волнения не мог даже дышать. Она направилась прямо к Бубну, тот поднялся, звеня цепью. Зрелище было не для моего детского воображе-

ния. Голова Любаша находилась на уровне могучей груди пса, а каждая собачья лапа казалась толще ее вместе взятых ножек. Любаша смело приближалась, Бубен открыл пасть, с мокрого длинного языка закапала слюна – и я в ужасе зажмурился. Было тихо, потом раздалось какое-то монотонное ворчанье. Я приоткрыл один глаз, а уж рот потом открылся сам.

Бубен развалился на боку, подрагивая всеми четырьмя лапами. Любаша же трепала его за язык, зарывалась двумя руками в шерсть, а пес только жмурился от восторга. Я осторожно протиснулся внутрь. Бубен млел.

– Иди сюда, не бойся, он хороший!

Я опасливо приблизился.

– Давай руку.

Любаша потянулась ко мне и, взяв мою ладошку, провела по спине Бубна. Тот немедленно завалился и подставил брюхо. Я осторожно провел рукой по свалявшейся шерсти. С тех самых пор нет для меня запаха более успокаивающего, чем запах разомлевшей на солнце собаки. Уже с годами к нему присоединится запах лошади после галопа и запах грудного ребенка после кормления. А пока я наслаждался каким-то неземным покоем, и мое маленькое сердце распирало от любви и нежности.

На пороге показался Пауль, привлеченный необычными звуками, доносящимися со двора, и если обычно люди от изумления дар речи теряют, то он, напротив, неожиданно

обрел его.

– Деточка, – нежно, боясь спугнуть, обратился он к Любочке, которая внимательно изучала задние, самые опасные зубы Бубна. – Вынь ручки из собачки! Мы посадим ее в клетку, и я дам тебе конфетку.

От ужаса он стал изъясняться примитивными, недостойными профессора философии стихами. Любаша обернулась и, пропустив мимо ушей сладкие обещания, прочла ему короткую лекцию по вычесыванию собак, чистке ушей и зубов. Пауль вытянулся, как капрал перед генералом. Бубен, который уже не отходил от Любочки ни на шаг, понимающе и оскорбленно кивал. Оттащив меня от собачьей миски, из которой я под шумок поживился полупрожеванной и выплюнутой Бубном морковкой, старик Пауль повел нас домой. Народ, видя этот парад-алле, прятался за заборы и рукоплескал уже оттуда. Впереди, не то чтобы на белом коне, но вися на Бубне, гарцевала Любочка. Мы с Паулем шли в арьергарде.

Бабушка чепчик вверх не бросала, но полотенцем ее обмахнуть пришлось. Крепкая старушка была. Любочкина мама, к тихому восторгу Любочкиного папы, на пару дней онемела, тот даже к соседу-врачу ходил: мол, как бы так и оставить, чтобы молчала и улыбалась. Тот посоветовал надеяться: «Природа, знаете ли, батенька, чудеса творит». Нет, не прошел номер, отошла, заговорила, правда, улыбаться стала действительно чаще – на всякий случай.

С Паулем бабушка подружилась, он интересный старик

оказался. Часто стал ходить к нам, и Бубна с собой брал, а потом и вообще его с цепи снял.

А история такая была. Пауль всех в войну потерял. Сам воевал, ранен был, потом вернулся – нет семьи, всех одной бомбой накрыло. Много лет один жил, а потом студенты подарили ему шестинедельного Бубна. Пауль спал с ним, ел из одной тарелки, холил и лелеял, любил до беспамятства. Избаловал, как еврейская мама единственное дитя. Бедный Бубен боялся собственной тени, и Пауль стал держать его на цепи, чтобы не сманили и не обидели. Бубен, он доверчивый очень был, бесконечно трогательный. На Пауля как на бога смотрел, тот в магазин один выйти не мог. Так и жили, как сиамские близнецы.

Все это Пауль бабушке с дедушкой за чаем рассказывал. Бубен тут же сидел, за столом. Ему специальный стул подставляли, он залезал на него и слушал внимательно. Пауль рассказчик был отменный, но и Бубен – слушатель благодарный.

И все же на пару дней Бубна нам оставили. Пауль решил-ся наконец взять настоящую охранную собаку – раз Бубна раскусили. То ли рукописи у него там какие-то были, то ли книги ценные. Словом, вернулся через пару дней с весьма неказистой по сравнению с вальяжным Бубном овчаркой по имени Галя. Брал ее с большим сомнением: ну не тянула она своим видом на охранника, а кормить второго нахлебника было как-то не с руки. Хозяин Гали божился, что она порвет

даже медведя-шатуна. Звучало крайне неубедительно, хотя холодные как лед глаза производили впечатление.

Галя вошла во двор, недоверчиво приняхалась – и тут увидела Бубна. Это была любовь с первого взгляда. Каким-то невероятным животным чутьем она уловила его незащищенность, и, видимо, в ней проснулся дремавший материнский инстинкт. Она решила, что это ее щенок. То, что щенок в пять раз больше и в два раза старше, ее не смутило. Ее вообще ничего не смущало – этим она мне напоминала Любочку. Для Гали не существовало разницы в возрасте и весе, чувство страха было ей неизвестно. Она знала только одно: есть Бубен, и его надо защищать. Ну и Пауля с домом заодно уж.

Из короля Бубен превратился в небожителя. Галя следила, чтобы он вкусно ел, сладко и много, часов по двадцать в сутки, спал. Чтобы не потерял мяч, с которым любил играть с нами, детьми. Бубен охамел настолько, что, приходя к нам, стал укладываться на диван на веранде. Галя ревниво охраняла его покой. Бабушке пришлось смириться, она только подкладывала какое-то старое одеяло. Впрочем, собак она любила. А Бубна с его скорбным взглядом не любить было нельзя. Галю, мне кажется, все слегка опасались и уважали.

Недовольна была только соседка напротив, Марта. Бубен-король повадился ходить по дворам, собирать оброк с населения натурой, в виде продуктов. Где не давали, взимал сам. Королевским опричником выступала, естественно, Галя. Любаша приучила Бубна к моему утреннему творожку с

клубникой. Я тоже его любил, но мне без труда разъяснили, что Бубну нужнее, – приходилось обходиться манной кашей, к которой мы оба были равнодушны, но есть-то хочется. Любашиным супом из крапивы в песочных формочках сыт не будешь, хотя тоже съедобно.

Так вот, однажды поутру соседка Марта выплыла в сад и онемела. Между грядок с клубникой прохаживался Бубен, аккуратно снимая самые спелые ягоды, ни в коем случае не повреждая при этом незрелые. По периметру, с видом надсмотрщика на плодово-ягодной плантации, ходила Галя и всем своим видом предлагала Марте не вмешиваться. Насытившись, чета гордо удалилась, оставив Марту без клубники, но с многочисленными кучами ароматных удобрений для последующих урожаев.

В этот же вечер нашей улице предстояло убедиться в Галиных боевых качествах.

Была суббота, и жители Риги устремились на взморье. Дорога к пляжу проходила по нашей улице. У нашего забора росли кусты жасмина с какими-то невероятно большими и пахучими цветами. В глубине кустов стояла скамейка. На ней любили посидеть бабушка с дедушкой, старик Пауль с простившей Бубна Мартой, да и другие соседи. А в тот день скамейка была занята Бубном, переваривавшим сырники Любашиной мамы, которая не очень-то поверила нашим клятвам, что все пятнадцать штук съели мы сами. Слишком лоснились брыли у Бубна и Гали. Галя же полеживала в тень-

ке под скамейкой, ни на секунду не сводя глаз со своего неразумного чада.

Из местного автобуса высыпалась группа подвыпивших галдящих парней. Галя слегка напряглась. Бубен на скамейке грезил о вечном. Мы с Любашей, притаившись в жасмине, закапывали секретики из осколков бутылки и цветной фольги. Парни поравнялись с нашим забором и увидели пса, растянувшегося в прохладе.

– Ну, что разлегся, давай подвинься, – махнул рукой один и случайно плеснул пивом из бутылки Бубну в морду. Тот от неожиданности по-щенячьи взвизгнул.

Глаза Гали приобрели выражение хладнокровного наемного убийцы. Любаша в мгновение ока оказалась за забором. Шерсть на загривке Гали и Любкин хвостик на затылке вздыбились одновременно – и они с проворством бандерлогов и мертвой хваткой бультерьеров вцепились в жертву: Галя – в рукав пиджака, как учили, а вот нетренированная Любка – в кисть. Собачья коррида, группа «Альфа» отдыхает.

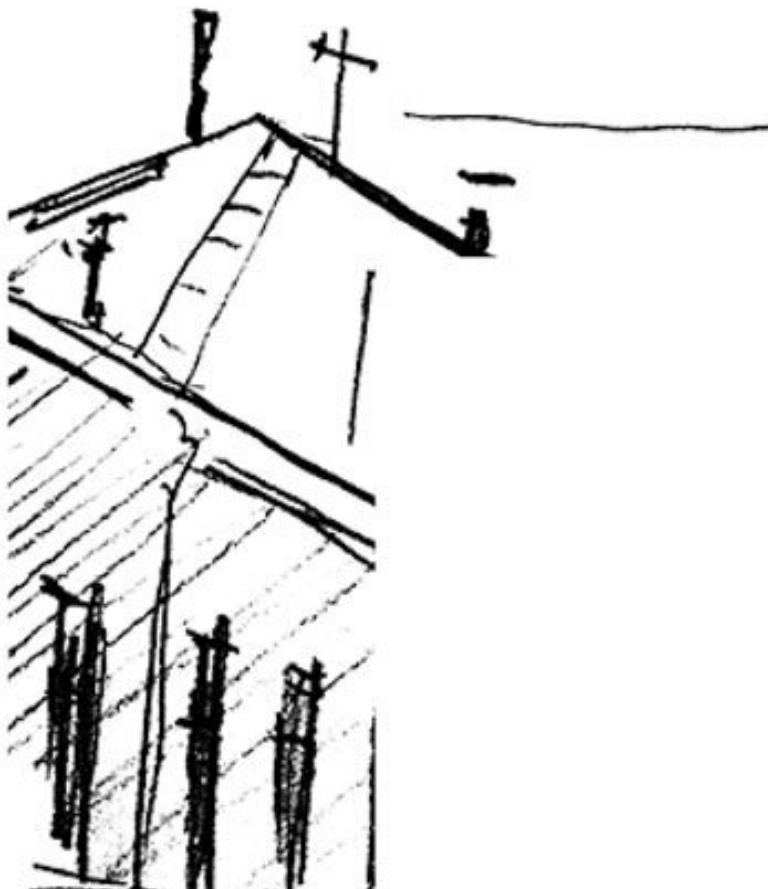
Протрезвевшая вмиг жертва выла и пыталась стряхнуть обеих. Из дома вылетели бабушка с дедушкой и Любочкины родители. Оторвали двух бойцов, рану от Любкиных зубов залепили пластырем, новую дефицитную рубашку Любочкиного папы из шкафа достали, пиво водкой отполировали – отошел парень, даже улыбаться начал. Правда, один глаз немного дергался. Всех друзей за стол посадили, а Любочка с Галей всё круги с недоверием вокруг нарезают и зу-

бы точат.

Ну и Бубен на диване, как падишах в изгнании, томно поглядывает. Галя его от пива облизала, захмелела, подобрела, но все же гладить себя покусанной жертве не давала. Ненадежный он какой-то, да и трезвая Любаша на всякий случай глаз с него не спускает. Расслабились обе, только когда всю кодлу благополучно на такси домой отправили. Что делать, пришлось раскошелиться – виноваты были все. Правда, Галя и Любочка так не считали. Им хоть и попало слегка, но победительницами они всю неделю ходили, а что случилось потом, вы узнаете в следующей главе.

Глава седьмая

О пупе и молочнице

Толковый словарь

Цорес – неприятность различной степени тяжести. Лингвистически это «цорес» ближе всего к слову «макес». А уж «макес», простите, можно перевести как «геморрой», что действительно крайне неприятно.

* * *

В тот злополучный день Любочкины родители собрались в гости, и ее мама, как она сама выразилась, решила почистить перышки. Я, в силу возраста, все понимал буквально. Как раз пару дней назад бабушка показала мне воробышка, который старательно кувыркался в грязной луже, и объяснила, что он так чистит перышки. Поэтому теперь я сразу представил себе сидящую в луже солидную Любочкину маму, хлопотливо бьющую руками по грязной воде, и радостно засмеялся. Видимо, мой смех был неуместен и даже оскорбителен, потому что на меня шикнули и выставили за дверь. Любочка же осталась шпионить, чтобы потом поделиться ценной информацией.

Часто эта информация оказывалась неуместной не только для моих, но и для посторонних ушей. Так, прочитав что-то очень гайдаровское времен Гражданской войны, она придумала игру то ли в красных следопытов, то ли еще каких-то тимуровцев. В результате многочасовых бдений нам удалось

выяснить, как Бубен ворует со стола пряники и печенье, где Любочкин папа держит заначку, а самое главное, что когда к соседке-студентке Аллочке приезжает ее друг Юра, то они, видимо, ходят с ним загорать на пляж, потому что всегда берут одеяло. Непонятно только, зачем им одеяло вечером, когда солнца уже нет.

У меня как раз был период знакомства с человеческим телом. Бабушка и дедушка решили, что внуку врачей надо все объяснить на более или менее профессиональном уровне. Как ни странно, меня мало волновали вторичные и первичные половые признаки. Живой интерес к этому вопросу пришел несколько позже, зато сохранился навсегда. Больше всего меня забавлял пуп. Я никак не мог понять его предназначения, кроме того, что в нем можно ковыряться, как в носу, хотя вроде бы считается так же неприлично.

Так вот, конфуз случился вечером, когда студентка Аллочка с мамой Алисой Абрамовной и кавалером пришли к нам на вечерний чай. Все так культурно, чинно: все на «вы», студентка довольна, ее маман последний роман в «Юности» снисходительно хвалит, молодой выюнош помалкивает, только прыщами краснеет.

И тут я, решив блеснуть эрудицией, выдаю:

– А, вы, Юра, уже видели Аллин пупик?

Есть такое заболевание – нарколепсия. Это когда совершенно нормальный с виду человек без всяких предварительных симптомов вдруг падает сразу как подкошенный, а по-

том в одно мгновение приходит в себя, не помня ничего, что предшествовало приступу. В медицине, правда, никогда и нигде не описаны случаи массового поражения этим заболеванием, но в этот день оно накрыло всех без разбора, включая бабушку, богемную Алису Абрамовну, бедного Юрия и обладательницу вышеупомянутого пупика.

Потеря сознания была единственной верной реакцией, потому что, во-первых, Юра уже, конечно, видел пупик, но не планировал обсуждать его достоинства за столом в присутствии родственников и соседей. Во-вторых, предьявительница пупика клятвенно обещала маме беречь девичью честь строже, чем хранимый на груди комсомольский билет. Но, поскольку по тем временам потеря билета была чревата существенно более серьезными последствиями, чем потеря невинности, то к груди Юрий допущен не был, пришлось довольствоваться тем, что ниже, в том числе пупиком. В-третьих, богатое воображение и не менее богатый жизненный опыт молодящейся Алисы Абрамовны быстро подсказали, что доступ к телу дочери вряд ли ограничился пупиком и ее шансы перейти в категорию бабушек повысились в геометрической прогрессии. И с еще большей скоростью понизились шансы стать невестой бородатого модного художника, которому сообщили, что Аллочка – ее младшая сестра. Ну и наконец, в-четвертых, моя бедная бабушка не знала, на какую именно интимную часть тела я укажу в следующем вопросе, потому что последний урок проводил дед-хирург и

она не была уверена, на какие откровения Осип решился в разговоре: уж больно тот приветствовал честность в общении с детьми любого возраста и пола.

К счастью, из глубокого наркоза всех вывела Галя, именно в этот момент предъявившая территориальные претензии дворовому коту, который с ходу влепил ей по морде, рванул за угол и взлетел на газовый баллон. Униженная Галя с упорством китайского землекопа стала нарезать круги вокруг дома, сметая бочки с дождевой водой и помоями. Кот же сверху только презрительно поглядывал и брезгливо отряхивал лапу. Ну не дотягивает даже самая умная собака до изощренного интеллекта этих независимых тварей. Не тот уровень. Словом, благодаря коту и Гале инцидент временно замяли, а Юрий с Аллочкой, кстати, вскоре поженились и жили долго и счастливо.

Случай с пупиком, естественно, стал известен широкой общественности, и к моему присутствию при всяких таинствах с тех пор относились с большой осторожностью.

Словом, из комнаты, где прихорашивалась Любочкина мама, меня выставили от греха подальше.

* * *

На свет был извлечен и использован по назначению ярко-красный дефицитный польский лак для ногтей. Потом Любочка с любопытством наблюдала, как мама красит рес-

ницы, поплеывая в тушь, и, сложив рот куриной гузкой, мажет губы. Мама даже умилилась – вот, мол, и нашей Любочке ничто женское не чуждо, ничего, подрастет, образумится, начнет платьица с кружавчиками носить, косички с бантиками... Если бы бедная мама знала, что творится в буйной голове ее дочери, ни в какие гости она бы не пошла.

Наконец родители благополучно отбыли, оставив Любочку на бабушкино попечение. Мы клятвенно пообещали, что просто посидим в комнате и посмотрим книжку, при этом бабушка таки произвела ревизию всей литературы, конфисковав даже журналы «Работница» и «Здоровье», где можно было почерпнуть хотя бы минимальную информацию об интимной жизни женщин.

Но она недооценила Любочку, оставив в комнате латышские народные сказки.

* * *

Для начала Любочка решила поиграть в дочки-матери. При этом дочкой, идущей с мамой-Любой в гости, нелогично стал ничего не подозревающий Бубен, который, как всегда, подремывал на веранде. Эксперименты на Гале, которая все же больше тянула на дочку, как-то не обсуждались. Тем более что, пристроив Бубна на диване, та отправилась патрулировать территорию в надежде изловить рыжего бойца вражеской армии. До сих пор ее слишком прямолинейная страте-

гия и тактика проигрывали в неравной борьбе интеллектов. Счет был явно не в Галину пользу, и она надеялась хотя бы его размочить.

— Мы вечером идем в гости, и надо придать тебе товарный вид, — мамиными словами и таким же назидательным тоном сказала Любочка, скovyрнув Бубна с насиженного места.

И началось великое таинство!

Бубен не пришел в восторг, когда ему почистили зубы моей зубной щеткой, и категорично выплюнул парадно-выходную вставную челюсть Любочкиной бабушки. Затем Любаша критически осмотрела коршунычьи когти бедного страдальца.

— Ему нужен маникюр! — заключила она.

Ни я, ни Бубен спорить не посмели.

Заглянувшая на минуту Галя, правда, слегка забеспокоилась, когда лапы Бубна стали погружать в папин тазик для бритья, но вмешиваться пока не стала.

Любочка достала лак. Потренировавшись на мне и набив руку, она стала мазать когтистую лапу Бубна. Тот недовольно ворчал и дергался.

— Ему цвет не нравится! — догадалась Любаша.

Попытки разбавить лак чернилами привели к тому, что половина лака оказалась на небрежно брошенных на стуле папиных белых брюках. Бубен с незавершенным маникюром, залитые красным лаком белые брюки и чернильная лужа на полу не предвещали ничего хорошего. Я запаниковал.

Бабушка могла войти с минуты на минуту. Почуявший воздух свободы Бубен немедленно взгромоздился на дежурный диван, брюки мы запихали под него, чтобы в случае чего сказать, что он сам взял лак и покрасил себе ногти, и ретировались во двор, где демонстративно уселись с книжкой на качелях.

Время было обеденное, и бабушка вдруг спохватилась, что нет хлеба. Нам и раньше приходилось оставаться одним ненадолго, и бабушка, взяв страшную клятву, что мы не тронемся с места, отправилась в лавку. Лучше бы она накормила нас супом без хлеба!

* * *

Может, кто-то и рожден, чтобы сказку сделать былью, а вот Любочка умудрилась сделать из сказки хороший цорес. Вы когда-нибудь читали латышские сказки? Правильно! Большинство этих сказок – про поиски цветущего папоротника в ночь на Ивана Купалу. То, что какого-то Ивана купали на ночь, я хорошо понял, а вот про поиски цветов ночью в лесу засомневался. Как-то неубедительно и видно плохо. Но, как вы понимаете, приказы старшего по званию не обсуждаются, и на команду «и мы будем искать» я покорно слез со скамейки и пошел вместе с Любочкой на поиски не столько папоротника, сколько приключений на наши головы и другие части тела.

А в это время к нам во двор постучалась молочница. Надо сказать, что наша дежурная молочница, которая знала всех и вся, отбыла к дочери на именины, оставив на хозяйстве родственницу с глухого прибалтийского хутора и выдав ей список адресов.

Не получив ответа на стук, молочница робко заглянула в дом. Громко храпел на веранде Бубен, а так было очень тихо.

– Есть кто живой? – Молочница зашла внутрь. – Я вам молоко принесла.

При этом она плотно затворила дверь, отрезав на улице зазевавшуюся в любимых кустах Галю.

Услышав про молоко, Бубен очнулся от спячки. Сладко зевнув и потянувшись, он выплыл на кухню и громко задышал.

Молочница повернулась на шорох и окаменела. В метре от нее сидела огромная овчарка с оскаленной в улыбке пастью и со следами кроваво-красного лака на лапах и шерсти. За ней волоклись многострадальные белые брюки в багровых разводах. Фильм ужасов, Хичкок отдыхает. Молочница посинела и стала хватать ртом воздух. Бубен учуял молоко, и с его клыков закапала кипящая слюна.

Тут раздались страшные монотонные удары в дверь – это Галя поняла, что в погоне за котом пропустила в тыл про-

тивника и Бубен оказался без прикрытия. Галя разбега́лась и всем весом пыталась вышибить дверь. Равномерные удары, как звуки канонады, усиливались эхом пустынного дома и резонировали в мозгу обезумевшей молочницы.

В этот момент Бубен двинулся в сторону вожделенного бидона.

Немалая молочница одним прыжком назад и вверх оказалась на кухонном столе. В истерике она стала ощупывать местность в поисках хоть какого-нибудь оружия. Рука наткнулась на миску с котлетами. На мгновение к бедной молочнице вернулась способность соображать. Она просчитала, что если метнуть котлету подальше, то можно попробовать соскочить со стола и вылететь за дверь. Как фашист в засаде, молочница залегла на кухонном столе, сжимая в кулаке спасительную котлету. Затем она приподнялась на локте, отвела далеко назад и вверх правую руку и весьма профессионально метнула гранату-котлету, зачем-то при этом бросившись снова на стол и прикрыв голову руками. Насмотрелась, видимо, фильмов про войну.

Она не учла, что реакция у Бубна в дверях была лучше, чем у Льва Яшина в воротах, – все же еще и нюх! В легком прыжке котлета была перехвачена у перекладины и проглочена не дожидаясь свистка судьи. Ах, если бы Янис Гринбергас, выдающийся тренер первой советской сборной по гандболу, видел, как профессионально молочница метает котлеты, он бы непременно взял ее в сборную, и, возможно, имен-

но она, а не Зинаида Турчина была бы признана самой выдающейся гандболисткой двадцатого века.

Следующую котлету послали точно в девятку под прилокой. Трибуны уже готовы были рукоплескать в экстазе, но дикий прыжок Бубна перечеркнул все надежды болельщиков команды «Молочница». Как и всё в этой жизни, котлеты-гранаты кончились.

Молочница стала озираться в поисках других подручных средств. Оставалась кастрюля с борщом. В состоянии аффекта молочница схватила крышку и поварешку. Запах мясного борща распространился по кухне. С клыков Бубна уже текла лава. Он двинулся к столу. В процессе борьбы молочница, наверное, случайно отодвинула его дежурный стул. Когда она увидела, как уверенно огромная овчарка карабкается на стул, в ней, потомственной деревенской бабе, проснулся генетически заложенный инстинкт самосохранения. Все-таки не одно поколение крестьян, дед с рогатиной на медведя ходил, да и она сексуально озабоченного племенного быка на случку водила и больной зуб у голодного мужа выдирала (или наоборот, в детали никогда не вдавалась). Этакая сельская Диана-охотница.

Словом, вспомнив рассказы деда и отца, она решила затаиться, мимикрировать. Вжалась в стол, крышку на морду натянула, зачем-то поварешку в руки, как свечку, взяла и вроде как померла. Бубен на стул-то влез, а на стол все-таки не решается. Сидит и гундит, как «Харлей Дэвидсон» перед стар-

том.

Тут наконец и Галя прорвалась внутрь. Не выдержала дверь ударов, чуть приоткрылась, Галя лапой ее подцепила и влетела как фурия: шерсть дыбом, зубы в три ряда. Этакая Галина Баскервилей. Бубна обнюхала – к счастью, от него пахло котлетами и лаком, а не кровью. Это несколько примирило Галю с действительностью, а то несдобровать бы бедной молочнице.

Такую картину маслом и застала пришедшая бабушка Се-рафима: на столе в позе трупа – молочница с поварешкой наперевес, в ожидании смерти как избавления, Бубен читает над ней молитвы с видом профессионального плакальщика, Галя ходит вокруг с холодным взглядом равнодушного могильщика, ожидая окончания церемонии собачьего отпевания.

Бабушка собак шуганула, молочницу водой сбрызнула, нашатырь поднесла. Молочница стала подавать признаки жизни. Окончательно она задышала после второй крупной купюры, засунутой за необъятную пазуху. Сумма превышала стоимость самой молочницы. Проведя успешную реанимацию, бабушка бросилась искать детей. А дети тем временем, взявшись за руки, углублялись в чашу в надежде найти цветущий папоротник. Сумерки спускались на прибалтийские дюны. Вскоре стало понятно, что дети заблудились.

Глава восьмая
Созвездие Гончих Псов,
или Мираж Бурштейна
– Ибрагимбекова

Слухи о пропавших детях мгновенно облетели Яундубулты. Жители от мала до велика собирались в группы. Руководила поисками железная Серафима.

Любочкин папа на велосипеде носился взад-вперед по пляжу на скорости, достойной знаменитого гонщика Виктора Капитонова. Но самое удивительное, что перед велосипедом мчалась Любочкина мама, зачем-то на ходу срывая с себя одежду. Видимо, чтобы легче было бежать.

На поиски бросились все. Аллочке с Юрой были доверены хорошо знакомые им прибрежные кусты. Юрий попытался было взять дежурное одеяло, но вовремя одумался, напоровшись на взгляд до смерти перепуганной Аллочки. Даже молочница, к тому времени облизанная Бубном, однако не расставшаяся с поварешкой, включилась в поиски и для начала почему-то опустошила бидоны. А в нашем любимом кафе отключили и проверили все холодильные камеры и даже емкости с мороженым. Яундубулты поделили на сектора. Шутка ли сказать – дети потерялись, а рядом лес.

Ситуация осложнялась еще и тем, что вечерней электричкой ничего не знающий деда Осип должен был привезти моих родителей, которые приехали из Ленинграда в отпуск вместе с дедушкой Мишей и бабушкой Геней. Если бы меня к тому времени не нашли, последствия несложно было бы предугадать – всех бы положили в братскую могилу.

И в этот момент Бубен поднялся с дивана. Он как-то резко

изменился — глаза прояснились, взгляд заострился. Неожиданно ловко скользнув сквозь толпу, Бубен обернулся призывно на Галю и вышел за ворота. Оттуда он взглянул на Пауля, да так, что тот даже окликнуть его не посмел. Галя застыла рядом в позе боевой готовности, ждала команды. Всегда медлительный и неповоротливый Бубен в мгновение ока преобразился в мускулистого и статного пса, качнулся назад и рванул с места. Галя от неожиданности замешкалась, но sprужинила и нагнала его в три прыжка.

Люди, собравшиеся в группы на поиски детей, на несколько минут замерли в потрясении и восхищении. В зловещем свете фонарей по вечерней улице Лиелупес неслись две собаки. Одна, огромная, чуть впереди, высоко подняв голову, мощными рывками раздвигала душный летний воздух. Вторая, поменьше, ни на шаг не отставая, стелилась над землей, изящно изогнув шею и преданно заглядывая в глаза старшей собаки. Созвездием Гончих Псов, без единого звука, они летели в сторону горизонта, пока не растворились в темноте лесополосы.

* * *

По тревоге были подняты войска Прибалтийского военного округа.

На разводе недосчитались только солдата Ибрагимбекова и его коня Миража. Про эту парочку надо рассказать от-

дельно. Солдат Ибрагимбеков был призван служить в войсках Прибалтийского военного округа из глухого калмыцкого села. Он практически не говорил по-русски, но ценили его за удивительное умение обращаться с лошадьми.

Что ж тут удивляться? По слухам, мама-калмычка родила его чуть ли не на лошади, и вскормлен он был молоком степной кобылицы, потому что маму почти сразу после родов отправили на выставку достижений народного хозяйства, где она победила в конкурсе и была избрана в какой-то там президиум. Ей еще долго пришлось удовлетворять самые разнообразные фантазии делегатов съезда, которые соскучились по диковинке и за это уважали и ценили национальные кадры. Словом, солдат Ибрагимбеков был взращен верблюдицей, кобылицей и папой Ибрагимбековым, который за отсутствием верной подруги полюбил верблюдицу и кобылицу во всех смыслах этого слова и, по-видимому, пристрастил к этому и сына. Периодически приходили посылки и записки от мамы-делегатки, – может, ее стараниями сын и оказался в прибалтийском Прибалтийском округе. И, оказавшись там, был определен на конюшню с учетом опыта и немногословности.

Работу свою он знал отменно, русский понимать мало-мало научился, так что службу нес вполне исправно. Однажды он подслушал разговор солдат, пришедших из увольнения, о какой-то Вере-бляди и стал призывно бить копытом. Уж больно слово знакомое и с такими близкими сердцу ассоциа-

циями. Был доставлен по адресу, проявил чудеса в искусстве объезжания и стал тренироваться в скачке на Вере-бляди с завидным постоянством.

Его верный Мираж покорно стоял на шухере. Вот и в этот злополучный день Ибрагимбеков исполнял свой воинский и мужской долг на дежурном объекте, а посему на разводе его не оказалось.

* * *

Милиция к поискам была тоже подключена в полный рост. Здесь командовал лейтенант Борис Бурштейн, личность в Яундубултах довольно известная и, безусловно, неординарная.

Вскоре после окончания войны в скромной интеллигентной еврейской семье родился мальчик – Бобочка Бурштейн. Папа его на фронте был весьма бравым радистом, и все детство Бобочки прошло под рассказы о его истинных и вымышленных подвигах. Войны Бобочке не досталось, в армию по причине наследственного плоскостопия, а точнее, стараниями мамы-Бурштейнихи его не взяли, но юноша был упрям и настырен, как все его праотцы. Доведа до обморока маму и получив молчаливое одобрение папы, он поступил в школу милиции.

И, кстати, стал неплохим, ответственным милиционером. На его участке был порядок, раскрываемость вполне на уров-

не, документы майору Гопенко доставлялись вовремя. Еще тот антисемит, Гопенко зубами скрипел, но сказать-то нечего – так, клевал по мелочам, однако терпел за хорошие показатели.

В тот злополучный день лейтенант Бурштейн был дежурным – и вдруг такое ЧП на участке! Свистать всех наверх! Весь состав отделения посадили на машины, мотоциклы, велосипеды. Основные надежды возлагались на конную милицию – все-таки у лошадей лучшая маневренность. Распределив всех, лейтенант Бурштейн осознал, что сам остался без транспортного средства. Предприимчивый, как почти все евреи, он вспомнил, что на участке проживает генерал в отставке Сердюк, и рванул к нему в надежде разжиться генеральской «Волгой» в обмен на свободу генеральского посыльного, который загремел на пятнадцать суток за распевание серенад в мертвецки пьяном и, для пущей убедительности, абсолютно голом виде под окном местной библиотекарши. Генерал добиться для подчиненного досрочного освобождения не пытался, потому что имел, и не только в виду, все ту же миловидную библиотекаршу. Но тут же особый случай! И Бурштейн заспешил к Сердюку, еще раз проворачивая в голове сделку. За поворотом он наткнулся на Миража, мирно жующего придорожную траву в ожидании ностальгирующего на Вере-бляди Ибрагимбекова.

«Это лучше „Волги“», – смекнул Бурштейн.

Тот факт, что в последний раз он сидел в седле в шесть

лет, да и то на пони, под неусыпным надзором мамы-Бурштейнихи, его смущал мало. Впрочем, лейтенант Бурштейн был человеком крайне обстоятельным и решил обезопасить себя на все случаи жизни. С аккуратностью самоубийцы он сложил свой плащ на скамейку и вынул наручники.

Как все-таки устроен этот еврейский мозг! Хоть Эйнштейн, хоть Бурштейн... Понимая, что относительно лошади он неустойчив, то есть неусидчив, а попросту говоря, может с нее гробануться, он решил к ней себя приковать. Этаким лейтенант на галерах. И таки приладил один браслет к затылочному ремню уздечки, а второй – к слегка ослабленному собственному брючному ремню. Тянет вперед, зато держит намертво и амплитуда раскачки минимальная. Сапоги в стремяна сами легли, только вот выпрямиться полностью не получилось. Так и склонился над седлом в позе «жockey», зад отключив, и с некоторым сомнением взялся за поводья.

Мираж удивленно скосил лиловый глаз. Бурштейн неуверенно ткнул сапогом в конский бок лошади. Мираж команды не понял и на всякий случай переступил с ноги на ногу. Бурштейн по мере возможности приосанился и дернул, да так, что натянул щечные ремни и трензель вонзился в рот бедному Миражу. А делать этого ни в коем случае нельзя, лошадь от боли может дать свечку.

Дальше – как по писаному. Мираж – на дыбы и в галоп, прикованный Бурштейн – сначала на небольшую высоту в

воздух, а потом – причинным местом о переднюю луку твердого офицерского седла. И понеслись. У обоих от боли глаза со сковородку. Не чувствующий управления Мираж с Бурштейном, частично лишенным мужских качеств, Пегасом летел в сторону той же лесополосы – только не со стороны Лиелупес, а по Слокас.

* * *

В эту звездную июньскую ночь произошел неизвестный науке астрономический казус. Созвездия Гончих Псов и созвездия Пегаса суждено было сойтись в одной точке – у самой лесополосы, где в этот момент происходило вот что...

Сначала было даже весело. Казалось, папоротника в лесу много, удача вот-вот улыбнется нам, и мы героями-победителями вернемся домой.

Но потом голод и холод стали брать свое, и я неуверенно начал проситься домой. Любашин голос приобрел сусанинские интонации:

– Еще немного – он там, за теми деревьями!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.